

ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ

А. А. АТАНОВ
докторант

К ОБОСНОВАНИЮ ФИЛОСОФИИ ЭКОНОМИКИ

Экономисты очень легко могут сказать «нет» и объяснить, что они так сказали не потому, что так думают они — экономисты, а потому, что реальность статуса экономики устанавливает четкую определенность экономической данности как вписанной в систему ресурсов. Вещь при таком подходе может быть как реальной, так и виртуальной (знания, навыки, способности), но ресурсная определенность (в том числе субъективная, характерная для постиндустриальных западных стран) всегда дает означенное поле действительности и присутствия четко определенной экономической данности, очень конкретной в своем выражении. Анализ, который нам надо произвести, должен давать возможности для установления связей между фактами экономики, носящими конкретный характер, и экономикой как целым, а также с типом хозяйства и хозяйством как таковым, что возможно только при использовании особого рода методологии. Методология такого рода должна осуществлять связь между абстрактным и конкретным, единичным и общим, формулировать тренды развития и вместе с тем не подменять собой многообразие смыслов, возникающих в качестве возможных при анализе хозяйства. Действительность, возникающая при применении такой методологии, должна рассматриваться в системе всеобщего. Но всеобщее действительности должно быть детерминировано в отношении смысла и конкретной данностью.

Действительность, при таком способе ее моделирования, становится не статичной, а движущейся, указывающей на возможные направления развития, так как, функционируя, она включает в себя воз-

можные изменения и подвижки данности, а не только определенность «реального». Отсюда следует, что и методология, и сама данность, возникающая в результате анализа, носят характер, который может быть определен в системе философского знания и методологии, но при этом не происходит подмена данностей, которые выделены в экономике и в хозяйстве, они лишь интерпретируются средствами философии. Возникает данность не просто философии, а философии экономики. Почему философии экономики, а не философии хозяйства? Хозяйство — общность очень высокого порядка, и я могу согласиться с С. Н. Булгаковым, что полноценный анализ хозяйства без сопутствующего анализа культуры, свободы и творчества невозможен, что весьма осложняет построение однопорядковой смысловой определенности. При использовании в качестве основания философии хозяйства мы получаем методологию и структуру познания, работающие в системе всеобщего и общечеловеческого, философская ценность такого решения проблемы бесспорна. Но конкретность данности реального при таком анализе не определяется, т. е., говоря другими словами, конкретное явление не будет вписываться в систему обобщающего смысла, который мог бы определить перспективы этого явления в отношении будущего посредством связи с определенным основанием. Возникает предельная общая определенность, не подходящая для анализа единичных фактов экономики, которые и позволяют выявить тренды общественного развития, в рамках экономической определенности.

Если мы будем проводить исследования исходя из типа хозяйства, станет со-

вершено очевидно, что слишком много явлений и сущностей, принадлежащих к типу хозяйства, будут иметь характер не общего, а особенного. Характерным типом, в том числе организации хозяйственной жизни для западных стран, сейчас является глобализм. Если в качестве особенного рассматривать глобализм и общество потребления, то куда мы денем антиглобализм, который образует единство противоположностей с глобализмом? Глобализм, по своей сути, связан и с такими явлениями, как информационная и научно-техническая революция, либеральная идеология и демократия. Считать их особенным или единичным можно только для общественных и экономических структур, которые не были затронуты индустриализацией, высокими технологиями, наукой и научной организацией и которые образуют единую общность научно-технического прогресса. Страны, оказавшиеся на периферии этих процессов, экономически безнадежно отстали. Поэтому тип хозяйства любой конкретной страны, находящейся в глобальном мире, оказывается под воздействием общемировых тенденций, которые не могут быть рассмотрены как особенное, они особенное для каждого типа хозяйства, но являются общим для организации эффективного хозяйства в целом и как целого.

Факт экономики весьма конкретен. Экономические науки всегда считали и считают, что они исследуют область реального. Смысл при таком подходе к действительности оказывается полностью сопряженным с фактом, факт, выделяемый в экономической действительности, полностью детерминирован как представлением о действительности, так и данностью, но представление здесь не всегда является гипотезой. Гипотетическая данность всегда приведена в соответствие с эмпирической данностью экономических процессов, которые выступают как поле действительности. Факт науки всегда нуждается в интерпретации, которая и создается через соответствующую научную теорию. Факт экономики резко от-

личается от факта науки. Экономика — это всегда внутренне обусловленная и определенная данность. Экономика как наука не возникает в сфере представления и теории, на ней постоянно лежит инерция прошлого и конкретной данности. Ведь экономическую действительность каждое последующее поколение получает как данность. Экономическая деятельность всегда конкретна и искажается только исходя из субъективных целей: избежать налогообложения, уменьшить прибыль, скрыть масштабы производства и т. д. Ошибки фактической данности легко вскрываются системой расчетов и системой отчетности. В экономике действительно кое-что скрывается, но макроэкономическая ситуация и микроэкономическая оценка позволяют оценить действительность данности, а не комплекса ложных представлений.

Факт экономики это не то же самое, что факт экономической науки. Экономика создает общность, так же как понятие «цвет» содержит в себе все цвета. Экономическое исследование и анализ позволяют улучшить организационную схему, а не отменяют действительность экономической данности. В любой науке важное исследование способно изменить картину мира, достаточно вспомнить мир Ньютона и мир Эйнштейна. В экономике ничего подобного быть не может. Исследования экономистов касаются способов регуляции экономики, выделения в экономической действительности существенного и несущественного для определения целей потенциального экономического роста. Целью исследования и организации экономики является не просто экономика наименьших затрат, а эффективная экономика, экономика, которая не только мало тратит, но связана с будущим, открывая новые возможности экономического роста в измененных условиях социальной действительности.

Критерий экономии (уменьшения издержек) здесь работает не в системе настоящего, а как связанный с будущим, образуя логическое основание для так называемого экономического ожидания.

Причем нужно иметь в виду, что факт экономики не буквален, а реален, и если мы хотим получить экономическую определенность в отношении будущего, то нужно уметь улавливать новое. Новое есть совокупность данностей, которая изменяет статус и характер экономических процессов посредством качественной, а не количественной определенности не настоящего, а будущего. Такими факторами новизны в современном мире являются наука, образование и High-Hume, которые представляют собой не что иное, как факторы, указывающие на информационный характер современной действительности.

Это не слишком похоже на то, чем занимается традиционная наука, поэтому связи, выделяемые в объекте экономического исследования, качественно иного порядка, чем во всех других науках. В общественных науках это общество и общественные связи, данность которых весьма вариативна; в естественных науках это мир в целом, взятый в системе научных представлений и методов конкретной науки; в философских — разные степени общности мира и человека, взятые через предельную общность; в гуманитарных науках — область уникальной человеческой данности, факта как среднестатистического резюме здесь быть не может, поэтому факт здесь уникальное, так же как и в общественных и философских науках. В экономике факт и есть реальность. Если мы произвели миллион тонн стали — это факт, получили хозяйственный оборот в миллион долларов — это факт, в результате реорганизации получили прибыль в сто тысяч рублей — это факт, создали экономику, отвечающую критериям информационного общества — это тоже факт. Среднестатистические показатели указывают на обобщенные на протяжении определенного временного отрезка данные или обобщенное положение в отрасли или в экономической системе. Причем это тоже реальные факты, а не интерпретация действительности. Экономические науки начинаются там, где в экономику

вступает человеческий фактор, начинают проявляться относительность и вариативность результата, а факт в результате объяснения становится не реальностью как таковой, а реальностью смысла. Именно здесь экономика связывается с общественными отношениями и структурами, она перестает быть безотносительной, становясь относительной.

Экономика вместе с тем сохраняет свой крайний реализм, единство общего и частного, но не как особенное, а как факт. Если в экономике сделано что-то, то оно сделано исходя из всей экономической системы и связанных именно с этим конкретным результатом ресурсов. Поэтому факты экономики обладают большой устойчивостью, их смысл и есть их данность, но для людей это не так очевидно. Ведь всегда нужно указать на результат экономической операции в системе общественных связей, выявить будущее экономики, определить парадигму ее развития. Факты экономики говорят о действительном, а не о возможном, поэтому эти возможности перенесены в сферу экономических наук. Но остаются вопросы: как единичное экономического факта связано с экономикой как целым? каково место экономического факта в области смысла и значения? какое будущее ждет экономические институты в системе социальных институтов и социальные институты в системе экономических? Факт экономики всем хорош, но он говорит только о действительном единичного.

Философия всегда создает общности, причем очень высокого порядка. Если факт экономики будет включен в систему философской методологии, то он перестанет быть только реальностью, а станет реальностью возможности. Для этого факт экономики должен быть редуцирован, т. е. включен в систему философии, но при этом не потерять связи с экономикой, а это возможно только в рамках смысла, единого как для экономики, так и для философии. Если факт экономики обладает устойчивостью, то задача философии состоит в том, чтобы связать

его с изменчивостью, а единичность факта экономики связать с реализуемыми общностями. Результатом может стать новая система понимания экономической действительности, которая определит связи экономики с социальностью, сделает экономику подвижной, вводя ее в область смысла и значения и помогая выделить возможное направление развития посредством смыслового определения экономических трендов.

Любая наука становится исследованием благодаря проекту исследования, что возможно посредством субъектной организации поля исследования и строгости, т. е. достоверности получаемых результатов и их соотносительности с предметной сферой науки. Возможность выделения предметной сферы науки возникает как результат применения метода. Сфера науки только тогда предметна, когда определена во всем многообразии иерархий, уровней и взаимодействий. Поэтому то, что представляется в процессе научного исследования, должно быть осмыслено в качестве изменчивого, нетождественного со своим предметом и вместе с тем тождественного. Отсюда и рождается научная организация. Лишь в изменчивости мы можем получить полноту фактов и характеристик. Научная организация оставляет изменение изменением, но связывает его с устойчивостью фактов. Постоянство изменения, взятое в необходимости его протекания, и есть закон. Закон, в диалектическом плане, необходимая и сущностная связь — возникают диалектические отношения необходимости и случайности, сущности и явления относительно условий протекания и организуемой последовательности. Устойчивость фактов и постоянство их изменения есть правило. Поэтому факты в науке могут быть раскрыты только как привязанные к правилам и законам, а не самостоительно организованные. Метод является не чем иным, как получением объяснения из представления той или иной предметной области, или охват предметной области происходит на базе фиксированного объяснения, которое облада-

ет внутренней организацией. Объяснение двояко по своей природе. Во-первых, неизвестное объясняется через известное; во-вторых, подтверждается известное через установление связи с неизвестным или через подведение известного под неизвестное.

Объяснение возникает в ходе исследования. Любая научная гипотеза вписана в систему природы, поэтому гипотезы никогда не должны носить произвольного характера. Вместе с тем любое научное объяснение двойственно по своему характеру: происходит исследование как таковое и создается ситуация понимания, которая и вводит ограничение на область представления, осуществляется логический операнд «да — нет», или, говоря другими словами, проводится определение соответствия и несоответствия. Поэтому наука стала не просто методологией, а определенной организацией, раскрываемой в соответствии с рассматриваемыми в ней областями действительности, как построение области данности в соответствии с данными, и наоборот. Возникает ситуация рассмотрения данности в системе всеобщего, в конкретном случае науки, которая и полагает собственную организацию как четкую привязанность к раскрываемой сфере. Отсюда возникает и уже упоминавшаяся строгость научного исследования.

Само исследование при перенесении его в область, находящуюся вне научной организации, оказывается оторванным от единого поля понимания. Факт становится неподвижным. Наука стала наукой только после того, как отказалась от простого истолкования и от опоры на авторитет. Но понимание, существующее в науке (всегда связанной с определенной областью исследования) не всегда можно сделать общим достоянием. Поэтому обмен между различными научными областями крайне сложен. Вопрос заключается вовсе не в передаче данных и информации, а в понимании. Искажение наиболее характерно для тех областей научного знания, где каждый считает себя компетентным, — это гуманитарные

науки, экономика и право. Их специфика заключается в характере объектов их исследования и получаемого в результате исследования знания, не точного по своей природе, и соответствующих этому знанию фактов. Часто эти дисциплины выполняют идеологический заказ, поэтому достоверность знания, особенно оторванного от поля исследования, здесь под большим вопросом.

У философии в отличие от названных наук существуют четкие критерии различения истинного и ложного, а также методы различения существенного и несущественного. В философии это связано не только с областью ее исследований, но и с возникающим в результате исследования смыслом, который определяется в системе общелогических и общенаучных критериев, а не только с полем конкретного научного исследования. Пони-

мание выполняет в науке совершенно иные функции, чем исследование, поэтому назвать понимание менее значительным нельзя. Перевести поле экономического исследования в поле понимания средствами философии экономики и есть та возможность, которая свяжет поле экономической данности, являющееся общим для человечества, с полем смысла, где возможна наработка критериев правильного и неправильного без фатальных ошибок. Общая теория смысла легко позволит определить смысловую определенность данности. Ведь смысл невозможно скрыть посредством манипуляций с плохо организованной информацией. Смысл в экономике определен эффективностью и системой четких критериев развития и формирования полноценно функционирующей экономики, которая связана с будущим.

А. А. АТАНОВ
докторант

О СТРУКТУРНОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ КОНЦЕПТА

Когда мы связываем действительность со структурой, у нас возникают несколько базовых определений; первое определение касается структуралистского сознания, второе — самой структуры. Структуралистское сознание при таком подходе оказывается рефлексией завершеного, конституированного и сконструированного. Не случайно Ж. Деррида, связывая структурализм со структуралистским сознанием, приходит к выводу, что структуралистское сознание оказывается либо историческим, сумеречным сознанием, или осознанием конца света — в зависимости от ситуации. То есть структуралистское сознание оказывается мыслью о прошлом, но о прошлом, которое снимается своим будущим.

Если мы хотим достичь или получить хоть какую-то определенность, то необходимо учитывать не прошлое, а будущее. Иначе наше сознание будет сумеречным, блуждающим, не находящим

смысла. Будущее дает нам полную определенность смысла: это либо эсхатология, либо смысловая определенность, находящаяся вне исторических последовательностей. Но мысль о прошлом образует двойственную последовательность либо историческое сознание, которое Ж. Деррида называет сумеречным, т. е. в этом сознании присутствует всякая возможная неопределенность, а значит, отсутствует перспектива. Это сознание, которое не владеет последовательностями мира и которое не может раскрыть содержащийся смысл, т. е. историческое сознание, оказывается вполне неисторичным. Это сознание прошлого, а не будущего. В нашем жизненном опыте мы сталкиваемся с тем, что наша мысль легко ускользает в прошлое и с огромным трудом открывает будущее. Если мы владеем осознанием конца света, в нашей жизни начинает господствовать тотальность.